

Владимир Еранов

г. Ленинск-Кузнецкий

Во времена моей молодости мы в своём кругу в шутку иногда называли друг друга пиитами.

...Смыслы – как мушка, сбиты,
цели – маячат где-то.
Раньше мы были – пииты,
теперь мы стали – поэты.

Раньше в гости ходили,
шли по ухабам и кочкам,
что-то несли в бутылки,
что-то несли в кулёчках.

Теперь никого не видим,
ночами ни с кем не спорим,
кажется, не в обиде,
вроде бы и не в ссоре.

Понятно, усталость, сытость,
конечно, заботы, дети.
А все-таки быть пиитом
лучше, чем быть поэтом.

Я застал тебя голой
с мужиком на балконе,
где курлычущий голубь,
как твой тайный поклонник

или бдительный цензор
в пёстрой ленте событий,
наблюдал за процессом
твоего с ним соитья.

Обрамляя перила,
с ними делаясь вровень,
ты с особенным пылом
своему казанове
отдавалась, не глядя
на поправки в сюжете:
я стою где-то сзади,
незамеченный, третьим.

Мне бы выпасть в осадок
от такого расклада,
я ж присутствовал рядом,
восторгаясь распадом
непорочности, чести
и моральных устоев,
любопытствуя – чем там
занимались вы, двое.

Под весёлый тарáмтам
старых диско с винила
твой любовник старался,
да и ты не ленилась.
Ты со смаком грешила,
упивалась паденьем,
достигая вершины
своего наслажденья.

Сердце ревность теснила,
взяв так верх надо мною,
впрочем, всё это было,
только было – с другою:
та же сцена и ракурс,
кобелиная случка.
Видно, вы, пятесь раком,
наслаждаетесь лучше.

Я ушёл, не мешая
и не мешкая боле,
ты такая нагая –
с мужиком на балконе.
Стук захлопнутой двери,
скрип иглы по винилу.
Ну а ты в это время
просто позу сменила.

Увы, всему положены пределы,
душа изнемогает, сохнет тело,
курчавит волос ветер перемен.
Иной оставит драму, эпопею
после себя, а я – вдруг не успею
родить не драму, а хотя б катрен?

Нет, в целом всё в порядке со здоровьем,
эритроциты полнят плазму крови
и скопом лейкоциты в ней теснят,
в избытке калий для сердечной мышцы
и позитив в душе для добрых мыслей,
и возраст – сорок, а не пятьдесят.

Однако, никому активы эти
гарантий не дают на долголетье,
дрейфуем среди событий роковых,
где всюду заваyki и засады,
вот почему, во-первых, думать надо,
и чаще – о грядущем, во-вторых.

Но это, так сказать, не панацея,
и силушь, гипократя, авицення,
возможные недуги превозмочь,
и вот уже хочю, забив на возраст,
родить, когда достигну девяноста,
я не катрен, а сына или дочь.

Когда к тебе придут еноты
и, окружая, спросят: «Кто ты?
Какая боль тебя гнетёт?
И почему ты не енот?», –
ты удивишься этой речи
енотов с гласом человеческим,
едва оглянешься – и вот
ты – среди них и сам – енот.

И в окружении енотов
отыщешь жертву спросишь: «Кто ты?
Какая боль тебя гнетёт?
И почему ты не енот?»

Я дурашлив, видимо, не в меру,
шутка шуткой, а получишь в лоб.
Сам не знаю, что язык мой мелет,
не язык, а просто помело.

Мне бы уберечься от соблазна,
сдерживать себя по мере сил.
Кажется, злословие – заразно,
даже без микробов и бактерий.

Видно, ничему не учит опыт,
вот и огребаюсь, вертопрах.
Вместо головы, наверно, жопа
на моих насмешливых плечах.

Дубом дуб, а мечу всё туда же –
в племя острословов записных.
Я несносен, если сносит башню
у людей от выпадов моих.

Знаю – не морозит и не вьюжит,
если я опять гоню пургу.
С самого рожденья сделать хуже –
лучшее, что сделать я могу.

Если ты иной – брось камень первым,
ссору начиная с мятежа.
Знать, не успокаивает нервы,
псу под хвост попавшая вожа.

Вот ведь уродился, недоносок,
сам большой, хоть ростом вышел мал.
Может быть, молчанье – тоже способ
говорить – для тех, кто всё сказал.

Но моё молчание – не к месту.
В голове – сумятица от слов.
Сам не знаю, что язык мой мелет,
не язык, а просто помело.